

18.11.2013, 09:08

ДОКУМЕНТЫ

«Если об этой истории не узнают все — чего мы будем стоять тогда!»

Мы публикуем из архива истории инакомыслия в СССР Международного Мемориала (Ф.102. Оп.1. Д.78) машинописную перепечатку письма политзаключенной Юлии Вознесенской. Примечания (Ю.В. — это сама Юлия Вознесенская) сделаны адресатом — Н.Л. (Натальей Лесниченко). Часть этого письма была опубликована в «Хронике текущих событий» № 47. Письмо написано около (но не ранее) 23.08.1977 г. во время этапа из Воркуты в лагерь, расположенный в поселке Бозой Иркутской области.

Юлия Николаевна Окулова (Вознесенская — литературный псевдоним) родилась в 1940

году в Ленинграде. В середине 1970-х активно участвовала в самиздатской деятельности: редактор антологии неформальной поэзии «Лепта» (1975), альманаха «Мера времени» (1976, в свет не вышел), соредактор самиздатского журнала «Часы» (с 1976). «Уличная» активность ей тоже была не чужда: участвовала в подготовке и самой попытке проведения митинга в годовщину восстания декабристов (1975), одна из организаторов петиции в Ленгорисполком с требованием установить памятник жертвам сталинских репрессий (1976), участвовала в нанесении правозащитных надписей (в частности, лозунга «Свободу политзаключенным») на зданиях и городском транспорте (1976). В 1976 году была арестована, обвинена в «распространении заведомо ложных измышлений...» и осуждена на 5 лет ссылки (отбывала на Воркуте). Летом 1977 года была приговорена к 2 годам лагеря за самовольное оставление места ссылки. Наказание отбывала в иркутском лагере, после освобождения — соредактор самиздатских альманахов „Женщина и Россия“ (1979) и „Мария“ (1980). В 1980 году эмигрировала в Германию.

Вот теперь уже всё, вот теперь я уже видела самое страшное. Больше мне ничего не покажут, можно уже и назад возвращаться:

дошла до их предела и за предел заглянула.

Читайте. ...

Привели меня с попутчицей в камеру 247 уже глубокой ночью. Грязь непролазная. Но сил у нас не было, забрались на шконки /нары — Н./ и уснули мёртвым сном. Утром засучили рукава и вычистили эти авгиевы конюшни. Только пожили день в чистоте, как вдруг — этап из колонии малолетних преступников, из Томска. ...

Компания живописная до крайности, есть просто красавицы. Всем только что исполнилось по 18 лет, вот их и развозят по взрослым колониям. Чувствуется, что очень дружно живут: одна девочка на этапе заболела, так они ее почти на руках принесли, уложили на лучшее место, напоили чаем, укутали своими бедными тряпками. ...

Через час их перевели в другую камеру. ...

22 мая меня с попутчицей предупреждают о завтрашнем этапе и ведут в баню. По дороге к нам присоединяются бывшие малолетки. С ними опять больная. Высокая температура, бред, резкие боли в животе и понос. Спрашиваю: „Врача вызывали?“ „Вызывали. Дала несколько таблеток и сказала, что может идти на этап“.

Шумно, с песнями, стая раздевается и нас ведут под душ. Душевая метров 6, от силы 8. Нас человек 20. Стоим плотненько. И вдруг-ка-ак хлынет кипяток! Мы шарахнулись к стенам, закричали. Через минуту хлынул ледяной душ; потом снова кипяток! Настоящий кипяток, Наташа, до ожогов! Я сначала подумала, что у них там что-то просто сломалось в их банной механике. Загрохотала я изо всех сил голой пяткой по дверям. Подошла ментовка /в данном случае — женщина — работник охраны — Н./ Объясняю ей, что душ испортился, а она смеется. Я в ярость: „Открывайте немедленно!“. Тотчас пошла нормальная вода. Мы отдышались, стали намыливать волосы. И тут вдруг всё прекратилось — воду выключили: „Выходите!“. А у нас у всех головы в пене. Уже в истерике требуем, чтобы включили воду. Включают. Кипяток. Потом ледяную. Все опять у стен, визжат, трут глаза. Распахивают дверь: „Выходите“. Кое-как сполоснув лицо холодной водой, девчонки выскакивают в коридор. Мы с попутчицей плюём на всё и смываем с себя мыло холодной водой. Ментовка надрывается, но мы не обращаем внимания. Воду перекрывают совсем и тогда только выходим. А девчонки толпятся тут же возле дверей душевой и орут, как резаные.

Мы ничего не понимаем, стоим в дверях.
Рядом с нами надзирательница и врач, парень лет 25-ти. Оба чем-то очень довольны.
Ментовка орёт: „Идите, идите, ничего с вами не случится!“. Девчонки побежали по коридору. Оказывается, вдоль коридора стояли мужики — надзиратели и парни из хозобслуги /заключенные, работающие по уборке тюрьмы, маляры и т. п. — Н/. Стоят и ржут над беднягами, а те бегут по коридору. Я давно поняла, что это мытье на этапах всегда сопровождается подглядыванием и приобрела вредную привычку мыться в рубашонке. Я не побежала, а спокойно вышла к развлекающимся мужичкам и выдала им несколько ласковых слов, а потом подошла к врачу и к дежурному надзирателю и поблагодарила их: „Я читала о подобных вещах у Солженицына, видела подобные сцены в „Обыкновенном фашизме“ Ромма, но никогда не думала, что мне выпадет счастье самой присутствовать при фашистских развлечениях. Большое спасибо, вы дали мне отличный материал!“. Прибалдели, примолкли, а я, вильнув мокрым хвостом, спокойно прошла по живому коридору. Ни одна собака не скалилась. А вот я была готова рычать от злости, особенно на бабу, меня просто трясло, но не от холодной воды.

Вернулись в камеру, собрали вещи на этап и легли спать. Ночью слышим вдруг крики со стороны камеры молодняка. Кричат „маму“ и не поймешь чего. Потом всё смолкло, но мы не спали. Спустя некоторое время — опять крики. „Наверное, их повели на этап“, — решили мы и стали ждать, когда придут за нами. Они такие шумные, эти девушки, что мы не очень-то реагировали на крики.

А на следующий день их опять переводят к нам, и вот тут-то мы узнали, что это были за крики. Я все записала с их слов.

21 августа в Новосибирскую тюрьму из ВТК-2 /Воспитательно-трудовая колония/ прибыл этап девушек, следующих во взрослые колонии — 22 человека. На этапе 2 девушки заболели: у Лизы Максимовой был сердечный приступ, у Иры Крупеньковой начался жар и понос /я о ней писала. А по зонам сейчас идет эпидемия кишечных заболеваний, везде карантин/. Врачи в Новосибирске никакой помощи не оказали, с этапа не сняли. Утром 22 девушек водили в баню. Днем объявили об этапе. По правилам перед этапом водят в баню, и вечером их повели во второй раз. Они не хотели идти, объясняли, что уже мылись утром, но идти заставили даже больную Иру Крупенькову. О бесплатном стриптизе я уже

писала — сама попала под издевательство, рассчитанное на безответность малолеток.

После бани некоторые девочки сразу легли спать, а некоторые начали готовиться к этапу. Днём они пели песни, и по этому поводу надзиратель с ними скандалил. Девочки потом говорили мне, что в колонии им никто не запрещал петь, и запрету надзирателя они не придали значения, не поверили, что в тюрьме запрещено петь. Старшина пригрозил им расправой: „Вы еще наших порядков не знаете, но я вам кое-что покажу на прощанье“».

Вечером никто не пел, не было даже особой болтовни — готовились в дорогу.

В двенадцатом часу ночи открылась дверь и появились 2 дежурных надзирателя с пожарным шлангом в руках. «Мы вам устроим на прощанье баньку!» — заявили они. В коридоре стояли ещё надзиратели. ...

Двое вошли в камеру и начали поливать девчонок, сильным напором холодной струи они гоняли их по камере. Многие были раздеты. Потом один поливал и бил их шлангом, а другой по одной вышвыривал их в коридор. В коридоре двумя шеренгами стоял вызванный дежурным тюремный резерв. Девушек пропустили сквозь строй около 24

человек. Били их кулаками, шлангом, ключами. Потом погнали их подвальными коридорами в боксы. Коридоры эти сырые, грязные, на полу лужи, света почти нет. Девочки бежали полуголые, босые. Больные вместе со здоровыми. Из подвала стали выводить в коридор к боксам. Вояки их обогнали другим коридором и ждали, построившись снова в две шеренги. Их второй раз пропустили сквозь строй. Всех заперли в бокс на 4 человека — 21 девушку /одну отсадили накануне за драку в камере — кажется, за это/. Заговорили между собой о том, что нужно кого-то заставить убрать камеру. 5 девушек выпустили и повели обратно в камеру: «Через 10 минут не уберёте — повторим». В камере был перевернут стол, постели залиты, вода стояла по щиколотку.

В боксе девочки боялись разговаривать даже шепотом. Они начали задыхаться /В этих боксах и одной-то через полчаса нечем дышать! — Ю.В./ Из коридора неслись издевательства, угрозы. Им грозили наручниками, смирительными рубашками, новыми побоями. Минут через 10 все уже задыхались. Первая потеряла сознание Света Медведева. Девочки начали стучать в дверь, просить выпустить их, вынести Свету. «Когда ноги протянет, тогда откроем.» Но дверь все-

таки открыли минут через 15. Дежурная баба приказала положить ее на пол и снова идти в бокс.

Света пришла в себя уже в санчасти. Медики посмотрели ее дело, узнали, что она больна, поинтересовались, почему она едет не с врачом. В присутствии Светы в санчасть сообщили — по телефону, что у Наташи Качулиной начался припадок эпилепсии / болеет с детства — Ю./ . Врач заявила дежурным: «Что заслужили, пусть то и получают. Они притворяются».

/Когда на следующий день я потребовала от начальника санчасти осмотра всех избитых и начать расследование, она задала мне интересный вопрос: «А почему вы не поинтересуетесь, за что им попало? Может быть, они этого заслужили!». И только убедившись в том, что девочки действительно никаких особенных нарушений не совершили, тюремные власти начали расследование, допросили всех потерпевших и обещали наказать виновных. Ох, не верю я в эти обещания — уж очень мало начальство удивилось этой истории! — Ю.В./ .

У второй девочки, тоже страдающей эпилепсией с детства, начался приступ, и ей тоже отказали в медицинской помощи. Болезнь обеих зафиксирована в деле, а дело-то при них!

У Тани Тапеня начался приступ удушья. Она свалилась

на пол, забилась, стала пальцами разрывать себе рот, потом потеряла сознание. Девочки снова начали стучать. Открыли дверь, позволили вынести всех троих, бросили на холодный цементный пол. На холоде девочки пришли в себя. Им тут же приказали идти в другой бокс. У них не было сил. На них закричали, начали угрожать. Они поползли по полу на четвереньках к указанному боксу. В коридоре был один надзиратель-мужчина и две бабы. Они издевались над ними, смеялись над тем, что девочки не могут подняться на ноги и ползут на четвереньках, называли их собаками, сучками, ругали матом. Таня Тапеня всё время твердит одно: «Никогда, никогда меня так не оскорбляли».

Троих заперли в бокс больших размеров, но с мокрым цементным полом, в лужах. Они так и не поднялись с пола.

В маленьком боксе следующей потеряла сознание Ира Русак, совершенно здоровая девочка. За ней Ира Евсеева. Стучали минут 25. Потом открыли дверь и приказали: «Выходите все». Привели в бокс к тем троим. Там они и просидели до утра. Стояли и сидели на мокром цементном полу. Там есть две скамейки, но все сесть не могли. Туда же привели из санчасти Иру Медведеву. У Жени Власовой начались судороги в ногах. В 5 утра не выдержали, начали стучать /некоторые были в одних плавках и лифчиках, а одна даже только в трусиках — и всё ведь мокрое до нитки!/. Дежурная сказала: «Будете стучать — весь день просидите!». Вывели только к завтраку. В камере уснули на мокрых матрасах.

Когда девчонок перевели к нам вечером того же дня, на многих одежда была еще сырой — брюки, свитера /не у всех была одежда на смену/. Я, естественно, подняла хай и убедила их в том, что телесные наказания запрещены даже в тюрьме для взрослых. Они сущие дети. Многие пробыли в колонии 3–4 года и совершенно не имеют представления о взрослой жизни. «В колонии мы жили, как

в пионерском лагере. Там следили за чистотой, за дисциплиной, но к нам относились, как к детям, нас никто не обижал." Они курят, они даже ругаются, но они гораздо больше дети, чем дети на свободе. Беспомощные, от страха трясутся, уж не знают, где искать защиты. Ужас ещё в том, что в Новосибирской тюрьме это не первый случай избиения. Этим самым девочек били ещё тогда, когда они были малолетками. Некоторых из них, разумеется.

Таня Тапеня рассказывает. В декабре 1975 года шел этап в Томск, в ВТК. В камере 245 повторилась история со шлангом и побоями. Девочки «провинились» в том, что требовали врача к заболевшей подруге, страдавшей врожденным пороком сердца /фамилии ее Таня Тапеня не помнит/. Врач заявил: «Вы все придуриваетеесь!». Их и тогда облили водой и прогнали по коридору. Девочкам Пушкаревой, Шацких, Павленко надели наручники. Тогда были Павленко Галя, Халилова Катя, Титова Вера, Шефер Лида, Мякшина Люба. Все они затем находились в ВТК-2 в Томске.

В ноябре 1976 г. опять такая же история. Ночью во всей тюрьме потух свет. Девочки расшумелись, начали кричать от страха — они не знали, что свет потух везде, боялись, что его потушили нарочно, только в их камере. Опять вызвали резерв и пропустили их сквозь строй. Потом так же, как в этот раз, держали в боксе до утра. Была Ира Русак — ее рассказ, Ира Олейник, Артемьева Аня.

Сейчас я еду с ними в Иркутск. Многие кашляют, у многих болит горло. Наташа Качулина лежит пластом, бледная, не встает, не ест. У Тамары Тапеловой /фамилия нрзб — Н.Л./ /она была босиком и в одних трусиках/ обострение ревматизма. Тяжелое состояние у Иры Крупеньковой /4-ый день не ест, а тут еще та ночь/. Хрипят и сипят все, все в смертельной обиде.

Наташка! Если об этой истории не узнают все — чего мы будем стоять тогда!

ЮЛИЯ

Текст подготовлен к публикации Алексеем Макаровым при участии Николая Касьяна